

Бабинцев В.П.

д. филос. н., профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

КОНСОЛИДАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА КАК КОНЦЕПЦИЯ И ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ: БЕЛГОРОДСКИЙ ОПЫТ

Ключевые слова: региональное сообщество, солидарность, консолидация, социальный проект, ценности, социальная конъюнкция, социальная дизъюнкция.

Keywords: regional community, solidarity, consolidation, social project, values, social conjuncture, social disjunction.

Проблема консолидации региональных сообществ остается одной из наиболее дискуссионных при обсуждении и разработке стратегий развития субъектов РФ. С одной стороны, довольно очевидна важность стимулирования объединительных процессов в региональном пространстве, ведущих к снижению конфликтности, обеспечению общественной и личной безопасности, наконец, – к повышению конкурентоспособности на всех видах рынков. С другой стороны, высказывается ряд сомнений в отношении перспектив консолидации. Одни из них связаны с прогнозированием неизбежных рисков, особенно рисков чрезмерной унификации и, как следствие, возврата к практике контроля, распространяющегося на все сферы общественной жизни. Другая группа сомнений определяется отрицанием возможности консолидации отдельных региональных сообществ в условиях преобладания в рамках общероссийского пространства социальной дизъюнкции, представляющей собой процесс «расстройства, рассогласования и распада интеграционных средств», сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества¹. Консолидация, являющаяся одной из форм социальной конъюнкции, то есть, в конечном счете, интеграции, нередко рассматривается в данном контексте как современная утопическая программа, разумеется, привлекательная, но, по меньшей мере, несвоевременная.

Сомнения в возможности ее реализации дополнительно усиливаются вследствие довольно ясно просматривающегося диссонанса между идеей консолидации, которая носит отчетливо выраженный гуманитарный характер и апеллирует к коллективистским ценностям, и характерной для государственных, а вслед за ними и муниципальных органов управления, презумпцией чисто технологических, аксиологически нейтральных, решений сложных социальных проблем. Это, в частности, выражается в ставке в системе государственного и муниципального менеджмента на так называемых «технократов», в широком применении формальных критериев оценки систем управления, выстраивании модели «государства-платформы», в переходе к проектному и бережливому управлению. Безусловно, каждая из этих управленческих концепций содержит в себе рациональные идеи, но их массовое и не всегда адекватно отрефлексированное внедрение нередко провоцирует руководителей и чиновников к отказу от постановки и решения вопросов, наполненных ценностным содержанием. В сложившейся ситуации руководителям надо обладать известным мужеством и нестандартным подходом к принятию стратегических решений для того, чтобы формулировать ценности-цели в качестве приоритетов регионального развития.

К числу их, несомненно, относится ценность солидарности, тем более, что введение этого понятия в публичный дискурс порождает не только семиотические, но и политико-идеологические проблемы, связанные с его использованием самыми различными общественными формированиями (от националистических до либеральных). Однако именно солидарность выступает в качестве ключевой идеи консолидационной стратегии, и реализация ее требует конвенции основных акторов регионального пространства относительно вкладываемого в данное понятие содержания. Разумеется, если они действительно озабочены решением проблемы консолидации.

Отдельного внимания заслуживает проблема агентов региональной консолидации. Представляется, что наиболее перспективным в данном случае выглядит постановка задачи консолидации институтами гражданского общества. Однако во многих субъектах РФ эти институты не обладают высоким авторитетом у большинства населения. К тому же они заметно разобщены. Нельзя не согласиться с выводом Т.А. Гужавиной относительно дисгармоничности и рассогласованности гражданского общества не только в секторальном, но и в региональном измерении². В этих условиях главным агентом консолидации реально может выступать (и опыт показывает, что выступает) государственная власть. Однако нельзя не учитывать, что население многих российских регионов с большим недоверием относится к инициативам государственной власти, что изначально снижает возможности участия в них граждан.

¹ Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. – М., 2015. – № 2. – С. 17.

² Гужавина Т.А. Региональное гражданское общество: условия и факторы существования / Проблемы развития территории. 2015. – № 3 (77). – С. 58–71.

Со всеми этими трудностями пришлось столкнуться властям и экспертному сообществу Белгородской области при разработке Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы», которая была утверждена Правительством региона в 2011 году¹.

Прежде всего, пришлось решать задачу концептуального осмысления проблемы, необходимости и возможности ее решения на уровне отдельного, далеко не самого крупного и ресурсоемкого, субъекта Российской Федерации. В ходе разработки концепции внимание было сосредоточено на следующих аспектах:

1. Определение сущности солидарного общества, что представляло значительную сложность в силу размытости представлений о солидарности и консолидации. Различия во мнениях варьировали в пределах от трактовки его в духе коммунистической модели общества до полного отрицания рациональной составляющей в этой идее. В результате экспертных дискуссий наиболее перспективной была признана ограниченная трактовка, в соответствии с которой солидарное общество рассматривалось как система межличностных и межгрупповых отношений субъекта Российской Федерации, основанная на осознании их участниками общности интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке, лояльности и сотрудничестве в достижении общественно значимых целей. При таком понимании консолидация сводилась преимущественно к выстраиванию системы публичных и межличностных коммуникаций, максимально способствующих воспроизводству регионального сообщества.

Разумеется, такая трактовка не в полной мере отражает все возможные аспекты концепции солидарности, но использование ее позволило определить более или менее четкие контуры консолидированного общества. В их число были включены:

- «формулировка и принятие идей, идеалов, общей цели развития, ценностей и смыслов, которые являются безусловными для абсолютного большинства населения области и основаны на позитивных духовно-нравственных и культурно-исторических традициях;

- обеспечение открытого, честного диалога между органами власти и населением;

- формирование духовного и психического здоровья, высокой позитивной нравственности, патриотизма, гражданственности, правосознания, оптимизма, позитивно ориентированного мышления;

- формирование ответственности власти за эффективность, законность и безопасность своей деятельности;

- утверждение идеи социального единства, справедливости и милосердия как ведущих принципов взаимоотношений между людьми;

- наличие четкой позитивной общественной морали и норм во взаимоотношениях между людьми и социальными институтами, которые не могут быть нарушены ни при каких условиях;

- социальная активность, созидательность, готовность и способность граждан участвовать в решении государственных и общественных проблем, вопросов местного значения, в том числе жертвуя собственными интересами;

- акцент на взаимной ответственности (власти и граждан, граждан по отношению друг к другу);

- постоянный и конструктивный диалог государственной власти и гражданского общества;

- консенсусный язык общения, то есть язык, использующий одинаково воспринимаемые участниками диалога понятия, ориентированный на поиск общих смыслов, понимание друг друга»².

Но, поскольку даже такая трактовка представлялась достаточно сложной для массового восприятия, был предложен ряд более простых дефиниций, удобных для оперирования в ходе практической работы. В частности, губернатор области Е. Савченко обычно оперирует следующей формулой: «Солидарное общество в понимании белгородцев – это сплоченное общество, объединенное общими позитивными целями, активной созидательной деятельностью на благо региона и Отечества. Оно основывается на таких ключевых понятиях, как единство, духовность, нравственность, патриотизм, доверие, деятельное сочувствие, ответственность»³. Использовалось и другое определение: «Солидарное общество – общество, в котором нормой отношений между людьми являются взаимное доверие и ответственность, стремление по-соседски (по-доброму) решать житейские проблемы и готовность добровольно и бескорыстно поддерживать друг друга в трудных жизненных ситуациях».

Однако нельзя не признать, что все актуализированные в общественном дискурсе определения дали сравнительно малый эффект. Мониторинг «Роза качества», ежегодно реализуемый в области в последние пять лет (метод – анкетный опрос, ежегодная выборка – 1000 респондентов), показал в 2018 году, что только 42% жителей региона в возрасте старше 18 лет имеют ясное представление о солидарном обществе, 57% из тех, кто знаком со Стратегией «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы» убеждены: она реализуется успешно.

Очевидно, в сознании основной массы белгородцев существуют когнитивные барьеры, затрудняющие восприятие стратегии. И главным из них, скорее всего, является барьер недоверия к инициативам власти, отражающий довольно высокий уровень взаимного отчуждения и непонимания между властными структурами и гражданами.

2. Определение приоритетных направлений формирования солидарного общества. В качестве таковых были предложены:

- «консолидация общества на основе идеи и идеалов, созидающих духовно-нравственное, морально-политическое и культурное пространство, а также патриотические чувства граждан;

- создание благоприятных социальных условий для инновационного экономического развития области, разработки и внедрения современных технологий;

¹ Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы. – Белгород, 2011.

² Там же.

³ Павлова О.А. Социальная консолидация как условие и ресурс развития местного самоуправления // Региональные практики социальной консолидации: опыт и перспективы. – Белгород: Белгородская областная типография, 2019. – С. 6.

- участие населения в оценке эффективности и безопасности государственного управления;
- развитие интеллектуального потенциала региона на основе модернизации системы образования, интенсификации информационного и межличностного взаимодействия;
- формирование позитивно ориентированных социальных сетей, интегрированных в процесс социально-экономического развития;
- использование сетевых форм самоорганизации для выстраивания конкурентоспособных экономических структур (банковских систем, кредитных союзов, страховых обществ);
- укрепление атмосферы социального оптимизма, взаимного доверия между людьми;
- развитие благотворительности и социальной поддержки групп населения, находящихся в сложных жизненных условиях;
- укрепление семьи и улучшение демографической ситуации главным образом за счет повышения уровня рождаемости, снижения смертности и бракоразводных процессов;
- возрождение и развитие традиций духовности, культуры, повседневного межличностного общения, массового участия в позитивных социально-значимых процессах;
- обеспечение духовной безопасности населения и организация массовой просветительской работы»¹.

Безусловно, формулировка этих направлений во многих отношениях изначально страдала декларативностью. Однако при их определении учитывались два обстоятельства. Во-первых, то, что процесс консолидации должен охватывать практически все сферы общественной жизни в регионе; он должен носить системный характер. Сведение консолидации только к отдельным аспектам (в частности, предлагалось ограничиться мерами духовно-воспитательного характера) оказалось бы простой имитацией деятельности. Во-вторых, конкретизировать направления следовало в ходе разработки программы действий, которая перевела бы идеи в плоскость социально-технологических решений. Последнее обстоятельство означало, что концептуальная проработка темы должна быть дополнена созданием организационно-технологического механизма управления Стратегией.

Но при решении данной задачи экспертам-разработчикам Стратегии и органам власти пришлось столкнуться с весьма значимыми проблемами, которые можно ранжировать следующим образом.

1. Отсутствие ясного понимания о содержании и структуре механизма. При этом выяснилось, что прояснить проблему не удастся даже при обращении к теоретическим разработкам, накопленным в отечественной науке. Известно, что даже неполный перечень подходов включает в себя, согласно исследованиям М.А. Шабановой, 24 определения социального механизма². При разработке Стратегии социальный механизм ее реализации понимался как система организационного, нормативного, ресурсного и информационно-аналитического обеспечения данного процесса. Сложность его формирования изначально состояла в том, что в структуре управления областью не было субъекта, который мог бы регулярно и последовательно координировать действия субъектов реализации Стратегии, осуществляемые по каждому направлению. Возобладал типичный для современной системы регионального управления адхократический подход, согласно которому координацией занимались «по случаю» различные подразделения и чиновники. В результате до настоящего времени не удалось добиться концентрации ресурсов и выстраивания единой технологической схемы, несмотря на то, что сама идея консолидации признается востребованной.

2. Недостаточная включенность в процесс реализации Стратегии институтов гражданского общества. Изначально Стратегия разрабатывалась как программа, инициированная государственными органами. Разумеется, к ее обсуждению были привлечены и общественные объединения. Некоторые из них (в частности, профсоюзы) представили ряд конкретных предложений в программу мероприятий. Однако в дальнейшем институты гражданского общества принимали лишь эпизодическое участие в осуществлении запланированных мер. В значительной мере сложившаяся ситуация объясняется слабостью гражданских формирований в российских регионах. Тем более, что значительную часть среди них представляют организации-симулякры. В их числе:

- пассивно-потребительские – существуют за счет внешней (государственной и муниципальной) поддержки;
- мобилизационные проекты – объединения, созданные властью для решения конкретных задач (довольно типичными среди них являются молодежные организации);
- приют для «бывших» – организации, созданные для поддержки статуса уважаемых в прошлом людей, предоставления им возможности для самореализации.

Но довольно существенной причиной ограниченного участия гражданских институтов является неэффективность публичных коммуникаций, проявляющаяся, в частности, в их преимущественно односторонней направленности (от органов государственной и муниципальной власти к населению); наличии комплекса коммуникативных барьеров (ценностно-смыслового, когнитивного, инструментального); фактическом отказе как государственными и муниципальными структурами, так и гражданскими формированиями от рефлексивной оценки процесса публичного взаимодействия.

3. Эпизодическая включенность в процесс реализации Стратегии регионального экспертного сообщества. В основе данной проблемы лежит дефицит на региональном уровне специалистов, способных профессионально разрабатывать проблемы социальной консолидации. Однако даже при их наличии включение экспертов в консолидационный процесс, как правило, ограничено рядом обстоятельств. Во-первых, низким уровнем доверия представителей власти к исследованиям (и исследователям) в области социальных технологий; во-вторых, дефицитом информации, необходи-

¹ Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы. Белгород, 2011.

² Шабанова М.А. О вкладе Г.И. Заславской в познание посткоммунистических трансформаций: социальные механизмы и перспективы развития России // Общественные науки и современность. – М., 2014. – № 5. – С. 14–26.

мой для разработки обоснованных моделей; в-третьих, недостатком ресурсов, без которых невозможно осуществлять качественную аналитику.

Комплекс этих проблем существенно снизил результативность реализации Стратегии, но не привел к отказу от решения данной задачи, необходимость которого (в понимании значительной части белгородской элиты) объективно востребована как внутренними, так и внешними вызовами, возникающими в ходе развития субъектов РФ. Накопленный опыт позволяет утверждать, что выявленные в ходе реализации Стратегии проблемы не относятся к категории непреодолимых и могут решаться при наличии политической воли, проявленной как государственными и муниципальными руководителями, так и лидерами гражданского общества. «Ключ» к продвижению идеи солидарности – в поведении элиты, которая может либо способствовать консолидации, либо дискредитировать ее.

Необходимо изменение отношения довольно многочисленных в рядах истеблишмента скептиков к идее консолидации, отказ от ее восприятия как чисто декларативного проекта имиджевого характера и принятие Стратегии как принципиально значимого документа, требующего технологических решений. Лицам, принимающим управленческие решения, исключительно важно:

- принять постулат, что Стратегия не рассматривается как проект, обусловленный политической конъюнктурой;
- отказаться от представления о Стратегии как о механизме построения своего рода «Царства Божия» в одном регионе и понимание, что она решает крайне значимую, но конкретную задачу – улучшение качества человеческих отношений, основной вектор которого – от культуры недоверия – к культуре доверия;
- принять представление, что консолидация общества возможна лишь при партнерском взаимодействии государства, органов местного самоуправления, общественных формирований, отдельных граждан и мотивировать себя и окружающих к этому взаимодействию;
- понять, что организационно-технологический механизм реализации Стратегии должен выстраиваться не спорадически, время от времени, а системно и подкрепляться необходимыми ресурсами;
- усвоить, что солидарность не означает «братания» основной массы населения с коррупционерами и преступниками, но лишь понимание, что большинство населения имеет ряд общих интересов, относящихся к задачам воспроизводства социума (в том числе и к задаче борьбы с социальными делинквентами), решать которые можно только совместно;
- в своей повседневной практике постоянно демонстрировать приверженность идее солидарности.

При этом следует всячески поддерживать и стимулировать микропрактики солидарности на муниципальном уровне (благотворительность, волонтерство, соседскую взаимопомощь), поскольку именно в процессе их реализации устанавливаются доверительные взаимоотношения между согражданами, формируется взаимная лояльность.